

лежалъ къ числу хорошихъ наставниковъ, хотя ради него удалили изъ академіи одного изъ лучшихъ преподавателей, хотя при немъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ какой-либо Левисонъ, впрочемъ все-таки онъ въ учебномъ отношеніи оставилъ академію своему преемнику въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ принялъ ее отъ своего предшественника. Конечно, это отчасти произошло отъ того, что наставники, поступившіе въ академію прежде его ректорства, мало-по-малу сдѣлались опытнѣе, поболѣе ознакомились съ своими науками. Но и самъ онъ, какъ выше сказано, выбиралъ въ наставники, за немногими исключеніями, дѣльныхъ, даровитыхъ молодыхъ людей. Главная же его заслуга состояла въ томъ, что онъ не налегалъ на наставниковъ, не стѣснялъ ихъ инквизиціонными мѣрами, не препятствовалъ имъ быть хорошими преподавателями, не требовалъ отъ нихъ благоговѣйныхъ отношеній къ своей особѣ. Въ этомъ отношеніи здравый смыслъ и доброе сердце, которыми отличался Доброхотовъ, оказали академіи гораздо болѣе пользы, нежели ученость — мнимая или дѣйствительная — нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Особенное же спасибо Доброхотовъ заслуживаетъ за то, что облегчилъ преподаваніе физики. И до него въ академіи былъ физическій кабинетъ, который нельзя было назвать вполне плохимъ; напримѣръ, электрическая машина, вогнутыя зеркала, естественныя магниты были положительно хороши, но другіе инструменты, даже, напримѣръ, воздушный насосъ отъ употребленія или неупотребленія поустарѣли, позаржавѣли, испортились, даже сдѣлались почти никуда негодными. При томъ кабинетъ едва ли не съ перваго курса не былъ пополняемъ. Отъ этого, не смотря на 1837 г., когда началъ ректорствовать Доброхотовъ и когда уже извѣстны были открытія Эрстеда, Ампера и Фарэдея, въ академическомъ физическомъ кабинетѣ не было ни одного инструмента, относящагося къ электро-магнетизму и магнето-электричеству; даже изъ гальваническихъ приборовъ былъ только одинъ вольтовъ столбъ, да приборъ для разложенія воды при помощи такъ называвшагося гальванизма. Такая бѣдность въ инструментахъ, особенно тѣхъ, которыми объяснялись новыя открытія Эрстеда, Ампера, Фарэдея и проч., были причиною того, что профессоръ физики принужденъ былъ на свои деньги купить гальваническую батарею Волластона, амперовъ приборъ для объясненія электро-магнитныхъ явленій, магнето-электрическую вѣрковую машину и проч.

Опять здравый смыслъ Доброхотова внушилъ ему, что при